

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

DOI: 10.25178/nit.2026.3.20

Статья

Структурно-семиотические и мифопоэтические доминанты «алматинского текста» в контексте русскоязычной прозы Казахстана

Елена С. Шмакова

Таразский университет имени М. Х. Дулати, Республика Казахстан,

Сауле Б. Бегалиева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлено исследование генезиса и структуры феномена «городского текста» в аспекте семиотической концепции, культурологического, антропологического и литературоведческого подходов. Наряду с феноменом «городского текста» рассматриваются понятия «локальный текст» на примере «алматинского текста». Актуальность его исследования определяется поликультурностью и поиском идентичности казахстанской литературой, в которой «алматинский текст» становится концепцией уникальных культурных локусов, исторических и мифологических доминант, отражающих авторские мироощущения и порождающих особый литературный тип горожанина. Материалами для исследования послужили прозаические тексты современных русскоязычных писателей Казахстана: Д. Накипова, Е. Клепиковой, И. Одегова, Л. Калаус, Ю. Се-ребрянского, М. Земского.

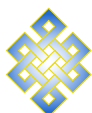

Выявлены и проанализированы ключевые компоненты «алматинского текста»: культурно-исторические доминанты, репрезентирующие образы города в прошлом и настоящем; мифопоэтические образы, соотносящиеся с городом, его историей; авторские мироощущения, отражающие авторскую рефлексию и выстраивающие образную систему «алматинского текста»; своеобразная персонажная система, включающая типологические образы городских персонажей, куда входит и сам город.

Показано, что исторический компонент в текстах интерпретируется по-разному:

Е. Клепикова использует иронический контекст для описания советских реалий, а Д. Накипов выражает неприязнь и сарказм к советской власти через интерпретацию аббревиатур, репрезентирующих авторскую позицию. Подтверждена тенденция наделяния города антропоморфными чертами и статусом персонажа в персонажной системе произведений. Мифологическая доминанта связывает город с тенгрианской мифологией и образом концентрического города (по Ю. Лотману), которая формирует сакральное и оценочное значение, а главной мифологической доминантой становится мотив утраченного рая. Установлено, что восприятие города напрямую зависит от автора. Намечен контраст между лирической ностальгией авторов с акцентом на советском прошлом и скептицизмом с фиксацией на современных реалиях массовой культуры.

Ключевые слова: городской текст; локальный текст; Алма-Ата; Алматы; алматинский текст; семиотический анализ; мифопоэтическая доминанта; авторское мироощущение; русскоязычная проза Казахстана; казахстанская литература

Для цитирования:

Шмакова Е. С., Бегалиева С. Б. Структурно-семиотические и мифопоэтические доминанты «алматинского текста» в контексте русскоязычной прозы Казахстана // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 346-362. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.20>

Шмакова Елена Сергеевна — доктор наук (PhD), и. о. ассоциированного профессора кафедры русского языка и литературы Таразского университета имени М. Х. Дулати. Адрес: Республика Казахстан, 080007, г. Тараз, ул. Сулейменова, д. 7. Эл. адрес: shmakovaelena87@mail.ru

Бегалиева Сауле Байазовна — доктор педагогических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: sbegalieva@mail.ru

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

Structural-Semiotic and Mythopoetic Dominants of the “Almaty Text” in the Context of Russian-Language Prose of Kazakhstan

Elena S. Shmakova

M. Kh. Dulati Taraz University, Republic of Kazakhstan,

Saule B. Begaliyeva

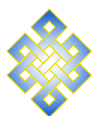
Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article investigates the genesis and structure of the phenomenon of the “urban text” through semiotic, cultural, anthropological, and literary approaches. In addition to the “urban text,” it considers the concept of the “local text” using the example of the “Almaty text.” The relevance of this object of study is determined by the multicultural character of Kazakhstani literature and its search for identity, within which the “Almaty text” emerges as a conceptualization of unique cultural loci, historical and mythological dominants that reflect authors’ worldviews and give rise to a specific literary type of the city dweller. The material for the study comprises prose works by contemporary Russian-language writers of Kazakhstan: D. Nakipov, E. Klepikova, I. Odegova, L. Kalas, Yu. Serebryansky, and M. Zemsky.

The article identifies and analyzes the key components of the “Almaty text”: cultural-historical dominants that represent images of the city in the past and present; mythopoetic images associated with the city and its history; authors’ modes of world-perception, which shape the figurative system of the “Almaty text”; and a distinctive character system that includes typological images of urban characters, among which the city itself is also included.

It is shown that the historical component is interpreted differently in the texts: E. Klepikova employs an ironic context to depict Soviet realities, while D. Nakipov expresses aversion and sarcasm toward Soviet power through his interpretation of abbreviations, which represent the author’s position. The study confirms a tendency to endow the city with anthropomorphic features and with the status of a character within the works’ character system. The mythological dominant links the city with Tengrian mythology and with the image of the concentric city (after Yu. Lotman), forming sacral and evaluative meanings, with the motif of a lost paradise becoming the principal mythological dominant. It is established that perception of the city is directly dependent on the author, with a marked contrast between lyrical nostalgia, focused on the Soviet past, and skeptical attitudes that highlight contemporary realities of mass culture.

Keywords: urban text; local text; Alma-Ata; Almaty; Almaty text; semiotic analysis; mythopoetic dominant; author’s worldview; Russian-language prose of Kazakhstan; Kazakh literature

For citation:

Shmakova E. S. and Begaliyeva S. B. Structural-Semiotic and Mythopoetic Dominants of the “Almaty Text” in the Context of Russian-Language Prose of Kazakhstan. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 346-362. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.20>

SHMAKOVA, Elena Sergeevna, PhD, Acting Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Taraz University named after M. Kh. Dulati. Postal address: 7 Suleimenova St., 080007, Taraz, Republic of Kazakhstan. E-mail: shmakovaelena87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5682-3581

BEGALIYEVA, Saule Bayazovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Av., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: sbegaliyeva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3528-7756

Введение

Понятие «городской текст» в современном русскоязычном научном дискурсе обладает высоким исследовательским потенциалом. Интерес к нему был инициирован еще в первой четверти прошлого столетия в работах Н. П. Анциферова (Анциферов, 1926–1927), в середине прошлого столетия в исследованиях Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992), поддержан В. Н. Топоровым (Топоров, 2003) и другими исследователями феноменов городского и локального текстов.

В условиях поликультурного пространства СНГ в аспекте постколониальной критики особый интерес представляют именно локальные городские тексты, аккумулирующие и репрезентирующие уникальные культурные локусы, исторические и мифологические доминанты, отражающие авторские мироощущения и порождающие особый литературный тип горожанина. Так, исследователями раскрываются своеобразие «ташкентского текста» (Шафранская, 2010), «армянского текста» (Шафранская, 2022), «кавказского текста» (Шульженко, 2017), «грузинского текста» (Потапова, 2023), «крымского текста»¹, «тувинского текста» (Шафранская, Гарипова, Токарева, 2023).

Одним из таких локальных текстов в казахстанском русскоязычном литературном сегменте может рассматриваться «алматинский текст» — корпус текстов, созданных в рамках культурной жизни города Алматы и объединенных формирующими этот текст историческими, культурными, мифологическим доминантами.

Алматы — культурная столица Казахстана. Это город, вобравший в свой образ уникальные исторические, географические, культурные особенности, воспетые писателями и поэтами в Казахстане и за его пределами. Город возник как военное укрепление — Верный (в 1867 г.), став смещением различных этносов и культур: казахской, русской, узбекской, уйгурской. Мультикультурное ядро города стало его своеобразной доминантой, определившей дальнейшее культурное и историческое развитие. Со временем происходит трансформация из города-крепости в город-сад, и топоним Верный в 1921 г. сменяется на Алма-Ату (с каз. 'Яблоко-дед'). В советский период город становится убежищем и центром притяжения для творческой интеллигенции, художников, музыкантов, представителей балетного искусства. С 1929 по 1997 гг. город Алма-Ата являлся официальной столицей КазССР. В постсоветское время (с 1993 г.) город получает имя Алматы (каз. 'яблонево́ый') и становится мегаполисом, культурной столицей и деловым центром.

Исторические трансформации города находят отражение и в культурном поле, в частности, в литературно-художественном осмыслении города как персонажа, как фона для сюжетных перипетий, как текста и интертекста.

Актуальность предпринятого исследования продиктована необходимостью теоретического осмысления феномена «алматинского текста» в совокупности его структурно-семантических, культурно-исторических, мифопоэтических доминант на материале еще мало исследованной в этом аспекте современной русскоязычной прозы Казахстана.

Объектом исследования становится корпус прозаических текстов современных казахстанских русскоязычных авторов (Д. Накипова, И. Одегова, Л. Калаус, Ю. Серебрянского, Е. Клепиковой), в которых репрезентируется феномен «алматинского текста». Отбор материала исследования обусловлен, прежде всего, тем, что в творчестве указанных авторов «алматинский текст» представлен наиболее концептуально и многогранно, а образ города возводится в степень мифологемы, организующей художественное пространство. Предмет исследования — доминанты, структура и функции «алматинского текста» как совокупности иерархических урбанистических знаков и кодов, его исторической, мифологической, культурной, топонимической и индивидуально-авторской составляющей.

Цель исследования — выявить, систематизировать и интерпретировать доминанты «алматинского текста» в современной казахстанской русскоязычной прозе. Цель исследования достигается путем решения следующих задач: 1) охарактеризовать историческую составляющую «алматинского текста»; 2) рассмотреть феномен «алматинского текста» в аспекте культурных традиций; 3) выявить и интерпретировать мифологическую доминанту «алматинского текста»; 4) систематизировать и проанализировать персонажную систему «алматинского текста».

¹ Люсый А. П. Русская литература как система локальных текстов: учебное пособие. М.: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт кино и телевидения (ГИТР)», 2020.

Особенности логической структуры исследования предопределили и отбор художественного материала, анализ которого сосредоточен на выявлении и интерпретации ключевых городских топосов и связанных с ними культурно-исторических реалий, определяющих авторское мироощущение. В настоящем исследовании рассматриваются тексты «новейшей» казахстанской русскоязычной прозы, в состав которой входят художественные произведения, написанные после обретения Казахстаном независимости, т. е. с 1993 г. (Ибраева, Сапарова, 2019; Темирболат, 2023). Город становится героем романа Д. Накипова «Круг пепла»¹. Хронотопическая целостность, репрезентированная в структуре, заглавиях, мотивах и образах-персонажах, характерна для «алматинских текстов» Е. Клепиковой «Алматинские быльки»². У И. Одегова в произведении «Снег в паутине»³ и Л. Калаус в цикле рассказов «Аля в меловом периоде»⁴ «семантически городские тексты связаны «Алма-Атинской» темой, идейно выраженной в отношении автора и героев к прошлому и настоящему города Алматы и к его историческим реалиям» (Шмакова, 2022: 222).

Методология исследования

В соответствии с определением Ю. М. Лотмана, который позиционирует город как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» (Лотман, 1999: 325), и «рассмотрением города как системы урбанистических знаков и кодов, сопряженных с понятием текста» (Шмакова, 2022: 218), интерпретация городского текста потребует применения междисциплинарного подхода: использования методов культурологии, антропологии, литературоведческих концепций — семиотики, герменевтики, мифопоэтики, гендерного и когнитивного литературоведения, психоаналитических стратегий интерпретации художественного текста.

В семиотике город трактуется как совокупность координатных средств смыслопорождения и смысловыражения, организующих городское пространство, «модель универсума», которая выражается «в мифах, религии, языке, обрядах, приметах, организации внутри жилища и планирование городов» (Анисимов, 2018: 34).

В рамках семиотической концепции город рассматривается как вторичная моделирующая система из знаков и кодов, в которой город мыслится в той же знаковой системе, что и текст. «Интерпретация города как текста и «городского текста» как текста о городе, структурируется на основе диалогичности, иерархичности и последовательности урбанистических знаков и кодов. Город как текст обладает выраженностью в определенных географических, личностно-биографических, мифологических рамках, характеризуется отграниченностью от внеположенных ему символически-знаковых элементов, что позволяет рассматривать совокупность текстов о городе на основе повторяющихся урбанистических знаков и кодов» (Шмакова, 2022: 97). Так формируются корпуса городских текстов — петербургский текст, московский текст, алматинский текст.

В культурологии городское пространство определяется как текст культуры, аккумулирующий культурное наследие разных эпох, культурологические коды и символы, легенды, духовное наследие его обитателей и строителей. Городской текст становится концептом культуры, определяющим культурную картину мира человека, он «универсален и национален одновременно, что обеспечивает его функционирование в координатах кода культуры» (Кузнецова, Петрулевич, 2018: 215).

Антропологический подход предполагает интерпретацию города как «онтологической идеи, через которую мы понимаем себя», определение города как тела, имеющего свою метафизику (Смирнов, 2012: 136). В рамках антропологического подхода развивается концепция биографии города, у истоков которой стоит немецкий историк Г. Б. Дройзен (Дройзен, 2004). Концепция предполагает рассмотрение города как живого «коллективного» существа, «собирательную личность, в «лицо» которой мы должны взглянуть, понять ее «душу», познать и восстановить биографию» (Ходинская, 2022: 323).

¹ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009.

² Клепикова Е. Г. Алматинские быльки (Странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви) // Дружба народов. 2010. № 7. С. 123–137.

³ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 1–24.

⁴ Калаус Л. Аля в меловом периоде // Крещатик. 2019. № 3 (85). С. 10–27.

Методология исследования «алматинского текста» базируется на структурно-семиотическом и мифопоэтическом подходах, в аспекте которых город рассматривается как семиотическое поле культурно-исторических знаков и кодов. Мифопоэтический метод позволяет выявить устойчивые мифологемы и архетипы, связанные с образом города, исследовать антропоморфизацию города, который становится Демиургом, полноценным персонажем в структуре художественного целого. Схема изучения «алматинского текста» представляет собой последовательное движение от констатации урбанистических знаков и кодов до интерпретации их культурно-исторических и мифологических смыслов.

Таким образом, анализ «алматинского текста» предполагает исследование его структурно-семантических, культурно-исторических, мифологических и литературоведческих доминант:

- культурно-историческое своеобразие алматинского текста (концепция Г. Б. Дройзена) (Дройзен, 2004);
- повествовательный фокус писателей на двух временных линиях изображения города — город ДО (Алма-Аты) и город ПОСЛЕ (Алматы);
- топические и топонимические детали, ставшие стереотипами «алматинского текста», и отражающие его ментальность, аутентичность и идентичность;
- авторские мироощущения, выстраивающие образную систему алматинского текста (в том числе в мифопоэтическом аспекте) и формирующие авторскую позицию;
- система персонажей, характерная для алматинского текста, в центре которой — сам город, наделенный антропоморфными чертами; Как раз все это относится к методологии исследования.

Обзор литературы

Генезис феномена «городского текста» и развитие научного интереса к нему обусловлен становлением и развитием структуралистской и семиотической концепций, а также интерпретацией образа города в парадигмах культурологии и антропологии. Во многом на укоренение и развитие этого понятия повлияли работы К. Леви-Стросса (Леви-Стросс, 2011), Р. Барта (Барт, 1987), Ю. Кристевой (Кристева, 2004), в России — Н. П. Анциферова (Анциферов, 1991), Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992), В. Н. Топорова (Топоров, 2003) и др., определявших городской текст как систему урбанистических знаков и символов, совокупность художественных образов, мотивов и мифов, соотносящихся с определенными топонимическими и биографическими кодами.

Если городской текст в семиотической концепции — это вторичная моделирующая система знаков и кодов, кодирующих фундаментальные культурные и философские смыслы, то проблема локального текста рассматривается в несколько иной плоскости. Локальный текст, согласно Э. Ф. Шафранской, это «совокупность растиражированных в культуре и словесности (устной и письменной) представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии, образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками — всего того, что с течением времени становится сводом стереотипов о месте, или локальным текстом» (Шафранская, 2017: 22). Таким образом, локальный текст формирует и отражает региональную (этнокультурную) идентичность в ее уникальном семиотическом своеобразии.

Интерес казахстанских ученых к интерпретации проблемы локального текста направлен, в основном, на художественные тексты, созданные в рамках культурной жизни южной столицы — Алматы, однако существуют понятия «карагандинского текста» (Семенова, 2024: 173), «семипалатинского текста» (Рублев, 2011), «павлодарского текста» (Приходченко, 2022; Новоселова, Иост, 2020) и др.

В русскоязычный прозаический корпус «алматинских текстов» традиционно включаются тексты русскоязычных авторов Ю. Домбровского, романы Д. Накипова, произведения О. Марк, Ю. Серебрянского, М. Земскова, И. Одегова, Л. Калаус, Е. Клепиковой др. Проблема «алматинского текста» репрезентирована не только в художественных текстах современных казахстанских авторов, но и в научных исследованиях казахстанских и зарубежных ученых. Так, выявлению своеобразия и интерпретации локального «алматинского текста» посвящены исследования Г. И. Власовой (Власова, 2018, 2022а, 2022б). Исследователь вслед за Э. Ф. Шафранской (Шафранская, 2015) для выявления

своеобразия локального алматинского текста использует понятие «паттерн». На основе анализа текстов казахстанских авторов (О. Марк, Е. Клепиковой, Л. Калаус, М. Земскова) она выделяет следующие ключевые паттерны алматинского текста, характерные для их творчества: топонимические, ландшафтные и пространственные паттерны; мифологические, характеризующие город посредством устойчивых определений «город-сад», «яблоко», «гора». Исследователь обращает особое внимание на культурные и исторические паттерны, репрезентирующие историческую и культурную память, на маркированные заглавия, паттерны советской эпохи (Власова, 2022b: 73). Таким образом, как мы уже заключали, Г. И. Власова «отмечает диффузию исторического и мифологического пространства, внутри которой формируются сложные семантические связи, выстраивающиеся в целостную модель алматинского текста» (Шмакова, 2022: 220).

Исследованию локального алматинского текста посвящены статьи Ж. А. Баянбаевой (Баянбаева, 2015, 2016) и ее диссертация¹. В своих исследованиях на примере творчества Ю. Домбровского, которого Э. Ф. Шафранская называет основоположником алматинского текста, Ж. А. Баянбаева интерпретирует наиболее значимые элементы городского текста посредством ключевых концепций и мотивов. Город рассматривается как концепт «в системе его основных функций»² и становится в творчестве Ю. Домбровского каноническим. Он включает в себя, согласно исследователю, своеобразные «мифы, символы, геопрезентемы», «литературные портреты»³.

Теоретическая основа исследования феномена «алматинского текста» заложена и в научных трудах авторов настоящей статьи. Так, в диссертации Е. С. Шмаковой⁴ практический подраздел посвящен проблеме автора и героя в «алматинском тексте». Рассмотрены такие категории, как город-персонаж, город-миф, авторские мироощущения в эстетике «алматинского текста». Выявлены авторские стратегии интертекстуальной репрезентации образа города в творчестве Д. Накипова. В статье «Городские топосы как отражение авторского мироощущения» автора (Шмакова, 2022) прослеживается влияние авторских ментальных, эстетических установок на создание городских пространств в художественных текстах и связанных с ними культурно-исторических, мифологических кодов. В статье намечается попытка вычленить ключевые доминанты «алматинского текста». Указанные труды становятся теоретическим и методологическим заделом для настоящего исследования.

Представленный обзор немногочисленных исследований по проблеме «алматинского текста» позволяет выявить ряд лакун в формировании целостного представления этого феномена в его системном осмыслении. За пределами научного внимания остается структурно-семиотическая иерархия «алматинского текста» как единого сверткестекста со своими законами и иерархией. Исследования мифологических доминант «алматинского текста» носит фрагментарный характер, практически не исследуется новейший художественный материал, формирующий урбанистические неомифологические тенденции. Отсутствуют исследования, посвященные формированию нового типа героя — медиагорожанина, жителя Алматы, обладающего характерными чертами и встроеного в персонажную систему «алматинского текста». Попытка осмыслить указанные проблемы определяет новизну настоящего исследования.

Историческая составляющая «алматинского текста»

Исторический компонент в прозаическом корпусе «алматинского текста» коррелирует с историческими, культурными, социальными изменениями и потрясениями, происходившими в Казахстане и, в частности, в Алматы: советские реалии, смена названия города с Верного, на Алма-Ату и далее на Алматы, проблемы вырубки садов, застройки города и др. Многие авторы исследуют память о трагических исторических событиях, таких, как голод 1930-х гг. (Негизбаева, Нуршаихова,

¹ Баянбаева Ж. А. Алма-Атинский локальный текст в творчестве Ю. Домбровского: функционально-семиотический аспект: дисс. ... канд филол. наук. М., 2017.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 62, 114.

⁴ Шмакова Е. С. Автор и герой: литературоведческий и научно-методический аспекты (на материале современной русской и русскоязычной прозы Казахстана): дисс. ... доктора философии (PhD). Алматы, 2025.

2022), «кукурузная кампания»¹, поднимают вопросы формирования культурной идентичности народа на фоне исторических потрясений, сосредотачиваются на пересечении судеб своих героев с важными историческими моментами, придавая своим текстам более личный и достоверный характер. Исторический компонент играет ключевую роль в выборе тематики, в создании эстетики и поэтики художественного текста.

Своеобразный художественный взгляд на исторические реалии прослеживается в творчестве Д. Накипова, включившего в свой роман «Круг пепла»² истории трагических событий, произошедших в Алма-Ате: землетрясение 1887 г.³ и трагические события в декабре 1986 г.⁴ Неприязнь и недоверие к советским властям автором выражены в языковых особенностях. Так, Д. Накипов дешифрует общепринятые аббрексеммы, соотносящиеся с периодом тоталитарного режима, придавая им индивидуально-авторские смыслы. Например, как мы уже отмечали, аббрексеммы «МВД — медведя военного-драного, НКВД — Народный комиссариат вонючих дел, ТЮЗ — театр юного злопыхателя и др. Аббревиатуры, указывающие на городские правоохранительные структуры советского периода и на доминантные городские топосы того периода, интерпретируются автором в саркастическом ключе, отражая авторскую позицию и отношение к историко-политическим и культурным реалиям того периода» (Шмакова и др., 2024: 1431).

Иной взгляд на исторические реалии представлен в цикле рассказов Е. Клепиковой «Алматинские быльки»⁵, который имеет жанровое расширение «Странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви». Автор ведет повествование на фоне исторических событий советских реалий и периода перестройки. Герои Е. Клепиковой с гордостью и восторгом рассуждают о первом полете человека на Луну, стоя в очереди за манкой, или сокрушаются о невозможности простым смертным «внедрить» в наркомовский детский сад свое чадо. Причем новость о «наших в космосе» кардинально меняет настроение, объединяет героев: «злая очередь браталась друг с другом, как немцы с русскими в окопах Первой мировой»⁶. Исторические события и реалия обыгрываются Е. Клепиковой в ироническом ключе. Иронический пафос рассказов репрезентируется не только в комичных ситуациях, но и в диалогах персонажей, апеллирующих то к диалектным особенностям «Вас вона сколько, а я одна на крупах парюся!», то к «одесскому говору» — «Товарищ женщина! Замолчите ребенка!!!»⁷

Таким образом, сквозь призму исторических событий и личных историй в «алматинском тексте» авторы создают многослойные нарративы, которые позволяют героям осмыслить свое место в мире, связь между прошлым и настоящим. «Алматинский текст» становится не только литературным, но и культурно-историческим феноменом, отражающим уникальный исторический путь Казахстана.

Культурные традиции «алматинского текста»

Культурные традиции Алматы, представленные в произведениях казахстанских авторов, отражают богатое культурное наследие, его осмысление и значение в контексте современности. В этой связи «алматинский текст» становится важным фоном для понимания культурной идентичности Южной столицы⁸ и, в целом, всего Казахстана.

¹ Шулембаева Р. Кукурузный рай, или Оттепель 50-х годов [Электронный ресурс] // Летопись «Казправды». 2019. 22 мая. URL: <https://kazpravda.kz/n/kukuruznyy-ray-ili-ottepel-50-h-godov/> (дата обращения 12.12.2025).

² Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009.

³ Разрушительное землетрясение 27 мая 1887 г., известное как «Верненская катастрофа», разрушившее около 2000 домов и унесшее жизни 154 человек.

⁴ События, произошедшие в Алма-Ате в декабре 1986 г. (Желтоксан), спровоцированные смещением первого секретаря ЦК Компартии Д. Конаева и назначение на его место Г. Колбина.

⁵ Клепикова Е. Г. Алматинские быльки (Странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви) // Дружба народов. 2010. № 7. С. 123–137.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ После переноса официальной столицы в Акмолу (ныне — Астана) за Алматы закрепился неформальный статус Южной столицы.

Самым ярким примером «культурноносного» «алматинского текста» можно назвать роман Д. Накипова «Круг пепла», который становится путеводителем по культурным топосам Алматы и погружает читателя в атмосферу театрального балетного искусства¹, живописи и музыки.

Ключевой культурной доминантой в «алматинском тексте» Д. Накипова становится образ Театра, вокруг которого концентрируются метафизические пласты городского пространства. Театр словно помещен автором в театральные декорации: «на грандиозном заднике неба» возвышаются «ажурные вершины гор», похожие на гигантский орган, «однако, всё это пейзажное обрамление ничего бы не стоило, если б не Театр! в центре. Его архитектура проста и находится, по-моему, в гармонии с городом и природой»². В романе происходит сакрализация культурного локуса театра: автор намеренно использует заглавную букву в написании, наделяя архитектурное сооружение именем и возводя его в статус аксиологического центра, в котором происходит кристаллизация культурной памяти города.

С Театром связаны знаковые имена и культурные артефакты Алматы, позволяющие автору семантически обогатить «алматинский текст» и закрепить за городом статус уникального семиотического пространства. Так, Д. Накиповым (вслед за Ю. Домбровским) поэтизируется образ известного художника Сергея Калмыкова³ (в романе — Калмыка), ставшего медиатором между реальным городом и его идеализированной репрезентацией в романе. В интерпретации Д. Накипова художник предстает как «невероятный праздник, подсолнух на асфальте, бразильский карнавал в центре демонстрации 7 ноября на площади»⁴, вместе с тем он генетически связан с Театром и всеми его обитателями. По мнению израильского писателя Д. Маркиша, художник С. Калмыков «сделался уникальной частью алма-атинского городского пейзажа»⁵, а по определению М. Л. Демидовой, «паттерном алма-атинского текста» (Демидова, 2020: 1).

Таким образом, «алматинский текст» Д. Накипова, наполненный культурными артефактами, культурными кодами, представляет собой уникальное онтологическое и семиотическое пространство, связанное с культурной жизнью города Алма-Аты.

В современных реалиях Алматы традиционная культура подвергается трансформации под влиянием культуры массового потребления. В рассказах М. Земскова, И. Одегова⁶ герои удовлетворяют свой досуг уже не в театрах и художественных галереях, а в торгово-развлекательных центрах, кинотеатрах, на курсах актерского мастерства.

В новейших «алматинских текстах» городское пространство (в том числе его культурная составляющая) подвергается десакрализации. Если в романе Д. Накипова «Круг пепла» культурным центром служили классические институты искусства, то в новейшей прозе культурные локусы смещаются в зону коммерциализации и развлекательного досуга. Так, в повести М. Земскова «Слабоумие» происходит трансформация театра (в широком смысле) из «эманации чистого искусства»⁷ в перформансы, тренинги личностного роста и прокачки женской энергии.

Главный герой повести записывается на курсы танцевального семинара японского танца *буто*⁸ для того, чтобы реанимировать свои отношения с девушкой, и потому что всякого рода перформансы и коучинг личностного роста становятся модными, определяющими статус человека в обществе. Театральное искусство у Земскова подменяется стремлением приобщиться к модным тен-

¹ Д. Накипов в 1964 г. окончил Московское хореографическое училище по направлению классического балета, работал в ГАТОБ имени Абая хореографом-либреттистом, сценаристом.

² Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009. С. 8.

³ Сергей Калмыков (1891–1967) — художник-авангардист, декоратор, ученик К. Петрова-Водкина, автор более полутора тысяч работ. С 1935 г. работал декоратором в ГАТОБ имени Абая в Алма-Ате.

⁴ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009. С. 61.

⁵ Маркиш Д. П. Белый круг: роман. Оренбург: Оренбургская книга, 2013.

⁶ Михаил Земсков и Илья Одегов, представители новейшей казахстанской русскоязычной прозы, основатели Открытой Литературной Школы Алматы (ОЛША).

⁷ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009. С. 8.

⁸ *Буто* или «танец тьмы» — разновидность авангардного японского танца, главными особенностями которого являются чрезмерно замедленные, гротескные движения, направленные на исследование темы смерти, трансформации и подсознания.

денциям, когда искусство становится в один ряд с посещением модного ресторана «Швейцарская сырная дырка» и владением «Лексусом»¹. Алматы предстает в повести в образе «обугленных улиц ломаного города»², в пространстве которого происходят не только физические разрушения, но и смещение онтологических координат современного человека.

Город в повести становится симулякром (по Ж. Бодрийяру), пространством внешних декораций, а его жители идентифицируют себя не через связь с классическим культурным наследием, а через количество посещенных модных курсов и тусовок. И если в романе Д. Накипова «Круг пепла» самоидентификация главных героев (Гевры, Мастера, Балерины) происходит через труд, боль и прозрение, то у героев М. Земскова — через развлечение и внешние атрибуты успеха.

Таким образом, искусство в повести десакрализуется до уровня престижного потребления. Городской текст фиксирует Алматы как деловой центр современного искусства массового потребления, а его жителей как играющих роли успешных, модных и «прокачанных» людей. Однако за фасадом этого симулякра скрывается «слабоумие», как энтропия, как метафора состояния современного городского общества, утратившего способности к глубокому, подлинному бытию и духовности.

В творчестве И. Одегова культурная составляющая «алматинского текста» структурируется вокруг глубоко личного, интимного пространства. Так, в произведении «Любая любовь»³, которое имеет жанровое расширение «Концерт в 7 частях», культурные коды актуализируются через «музыкальную» структуру повествования, в котором город становится сложным акустическим и сенсорным пространством. И если у М. Земскова культура — это симулякр, внешний аксессуар, то в творчестве И. Одегова она становится «внутренним зрением», при помощи которого автор с ностальгическими порывами стремится удержать ускользающую красоту старой Алма-Аты.

Пространство вокзала в цикле «Любая любовь» выступает ключевым топосом и подчеркивает статус города как медиатора между Севером и Югом, между культурой Востока и Запада. Выбор героя между Сибирью и Ашхабадом становится пространственной метафорой экзистенциального поиска идентичности. Ландшафт вокзала маркируется культурно-мифологической доминантой города — образом яблок: «Там яблоки. Большие, красные. Откуда такие зимой?»; «Яблоки красные, тяжелые. Откуда такие зимой?»; «Спелые яблочки. Арбузы в декабре. Ни комаров, ни сугробов»⁴. В этом контексте образ яблок выступает культурной доминантой «алматинского текста», связывающей героя с ностальгическим ощущением дома, который он пытается и одновременно страшится покинуть.

Персонажи «алматинского текста» И. Одегова — созерцатели. В отличие от персонажей М. Земскова, конфликт с городом у которых носит деструктивный характер, они стремятся к экзистенциальному освоению пространства, преодолевая внешнюю агрессию парковщиков, гаишников, злых людей в зале ожидания⁵.

Таким образом, в цикле И. Одегова происходит ресакрализация городского пространства через образы любви и музыки. Все это позволяет рассматривать «алматинский текст» И. Одегова как попытку сохранения гуманистического ядра в рамках современного литературного процесса в Казахстане.

Мифологическая доминанта «алматинского текста»

Мифологическая доминанта русскоязычных произведений «алматинского текста» связана с воссозданием системы представлений о городском пространстве посредством мифологических образов и мотивов. Динамичные отношения города и мифа порождают неомифы и городские легенды, формирующие систему мифологических доминант «алматинского текста».

Для «алматинского текста» современной русскоязычной прозы Казахстана характерны модели локального текста с определенными культурно-историческими и мифологическими ассоциациями. Однако они меняются в зависимости от смены фокуса изображения — Алма-Аты (изображение

¹ Земсков М. Слабоумие // Дружба народов. 2015. № 6. С. 9–63.

² Там же. С. 9.

³ Одегов И. Любая любовь. Концерт в 7 частях // Новый мир. 2012. № 1. С. 1–23.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

города в советских реалиях) или Алматы (изображение современного города-мегаполиса). Разграничение этих образов становится необходимым для демонстрации перехода от советского прошлого к обретению идентичности и культурной глобализации. Два образа города, которые имеют различные культурно-исторические и мифологические доминанты, формируют на основе контраста между прошлым и будущим доминанты «алматинского текста» в целом. Таким образом, в «алматинских текстах» современных казахстанских русскоязычных авторов город представлен двумя образами — города ДО и города ПОСЛЕ (Шмакова, 2022).

Точкой соприкосновения двух образов становится мифологема гор или города на горе. Ю. М. Лотман определяет такой город как «посредника между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца — это ‘вечный город’» (Лотман, 1992: 208).

Топосы города на горе предполагают их вертикальную организацию, которая в семиотическом и мифологическом пространстве соотносится с формулой Дж. Лакоффа и М. Джонсона «выше=лучше» (Лакофф, Джонсон, 2004: 37). Вертикальная организация локусов и топосов приобретает оценочное значение, где верхняя часть города считается более благополучной, элитной, а нижняя — менее престижной. Эта семиотическая иерархия влияет и на организацию персонажной системы. Так, в рассказе И. Одегова «Снег в паутине»¹ персонажи делятся на две группы: 1) персонажи, живущие в нижней части города, менее престижной, однако имеющие положительные качества; 2) персонажи из верхней престижной части города, обладающие негативными качествами — сынки чиновников, представители власти и др.

Важной мифологемой становится граница города — место, где заканчивается город и начинается степь. Так, в рассказе И. Одегова «Снег в паутине»² город противопоставляется степи. Контраст намечается как на уровне пейзажных деталей: 1) городской пейзаж — «громоздкие кучи грязного, смерзшегося снега», «копоть на стенах», «серые каменные многоэтажки», «неубранный еще с осени мусор»; 2) пейзаж степи, представленный такими образами, как «широкий край поля», «девственный снег», «цепочка следов», так и в онтологической и философской плоскостях, где символический образ следов, оставленных лошадиными копытами, представляется ориентиром, жизненной установкой, оставленных предками-кочевниками.

В «Казахстанских сказках» Ю. Серебрянского³ мифологический компонент связан не только с пространственными представлениями города Алматы, маркированного такими мифообразами как яблоко, Кок-Тобе, мифологема юрты (Адибаева, Абуова, 2025). В тексте упоминаются такие географические локусы как Балхаш, Аральское и Каспийское моря. Э. Жанысбаева выделяет такие традиционные элементы мифопоэтики, характерные для «Казахстанских сказок» Ю. Серебрянского: «близнечный мотив, отражающийся в создании зеркальных образов соперничающих близнецов, выражающих две стороны бессознательного; интертекстуальная отсылка к мифу об Икаре и образу Икара; языческая вера в сглаз и др.»⁴

И, конечно же, главной мифологемой «алматинского текста», генетически связанной с его названием, становится мифологема яблока, которая отсылает «к устойчивому определению Алма-Аты как “города-сада”» (Власова, 2018: 529).

Мифологема яблока является одним из устойчивых архетипов в мировой культуре, литературе Востока и Запада. В глобальном осмыслении она содержит амбивалентную семантику — с одной стороны, «яблоко раздора» в греческой мифологии, запретный плод с древа познания добра и зла в христианской традиции, отравленное яблоко в европейских сказках; с другой — яблоки Гесперид в греческой мифологии, яблоки Идунн в скандинавской мифологии, молодильные яблочки в русской фольклорной традиции, мотив выбора плода, дарующего просвещение, любовь или молодость в восточной фольклорной традиции (например, в поэме Абая «Масгут»⁵) и др.

¹ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 1–24.

² Там же.

³ Серебрянский Ю. Казахстанские сказки. Алматы: Аруна, 2021.

⁴ Жанысбекова Э. Т. Мифологические образы и мотивы в современной казахстанской прозе: дисс. ... PhD. КазНПУ им. Абая. Алматы, 2018.

⁵ См.: Кунанбаев Абай. Избранное. Пер. с каз. М.: Художественная литература, 1981.

В контексте мифологической составляющей «алматинского текста» мифологема яблока коррелирует с мировой литературной традицией в плане амбивалентности образа, символизируя райские кущи, утраченный рай, мотив выбора, искушения. Однако, сохраняя универсальные архетипические черты, мифологема яблока в творчестве казахстанских авторов обретает глубоко национальные, этнокультурные коннотации.

Образы яблока и яблоневого сада в «алматинском тексте» наделяются космогоническими свойствами, статусом первоэлемента, вокруг которого возник город: «Алма-Ата — это ведь сад. Здесь и был сад. Ни домов, ни людей, только деревья. Яблоки были, цветы»¹. Город предстает в образе сакрального плода «И город наш в этом саду вырос, как яблоко, — чистый, солнечный, румяный»². В этом плане образ Алма-Аты коррелирует с христианской традицией райского сада, заполненного первозданной флорой и фауной, в котором у человека есть все для счастливой жизни: «яблоко с дерева сорвешь, воды из арыка зачерпнешь, и не надо больше тебе ничего»³.

Мифическое яблоко Апорт наделяется волшебными, гиперболизированными чертами: «апорт размером с голову»⁴, «яблоки метрового размера, а то и больше»⁵, «яблоки были с полкило каждое»⁶, «яблоки — невероятный апорт, размером почти с футбольный мяч»⁷. Созревшие плоды падают с гор с шумом подобно лавинам, их невозможно остановить, как стихию, но не разрушающую, а несущую благо. В основе мифологического образа яблока — символ плодородия, изобилия земли, ведь одним таким яблоком можно было накормить целую семью: «одного яблока и лепешки из тандыра хватало на хороший обед, люди отрезали себе куски размером с арбуз и уносили домой»⁸.

Однако, подобно легенде о грехопадении, Алма-Атинский яблочный рай утрачивается, появляются эсхатологические мотивы деградации и вымирания. С особой эмоциональностью неомиф об утраченном рае предстает в творчестве Д. Накипова и И. Одегова, в художественном осмыслении которых вырубка садов и умирание немногочисленных оставшихся деревьев, «сгорбленных человеческой жадностью»⁹ становятся метафорой деградации общества.

И. Одегов использует художественный образ последней яблони «со сломанной верхушкой»¹⁰ для критики урбанизации и оскудения духовного мира человека, проявляющегося в потере связи с природой. Через этот образ автор выражает ностальгию по временам, когда пахло «не песком и не пылью, а сочной жирной землей»¹¹, по арыкам¹² текла чистая горная вода, а не лежали горы прошлогоднего мусора. Сломанная верхушка яблони символизирует прерванную преемственность, физическое разрушение пространства, которое из благословенного рая превратилось в урбанистическую картину безжизненной и однотипной череды богатых коттеджей.

Для усиления трагизма Д. Накипов наделяет природу антропоморфными чертами, и яблоневый сад предстает как «цветущее яблочное племя»¹³, как живой чувствующий организм, принесенный в жертву времени. Несмотря на то, что в тексте появляются отсылки к Эдему, когда автор сравнивает яблоки с плодами, которые «никто, кроме первых людей на земле не вкушал»¹⁴, разрушение яблочного рая связывается не с абстрактным грехопадением, а с конкретным историческим событием — распадом СССР: «Собственно, все это вместе взятое, в крепкой замеси с переменами в жиз-

¹ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 24.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Серебрянский Ю. Казахские сказки. Алматы: Аруна, 2021. С. 60.

⁶ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 3–36.

⁷ Клепикова Е. В городе яблок. Были и небыли. Алматы: ООО «Издательские решения», 2016. С. 54.

⁸ Серебрянский Ю. Казахские сказки. Алматы: Аруна, 2021. С. 60.

⁹ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 17.

¹⁰ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 22.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Арык в Центральной Азии — небольшой оросительный канал, обеспечивающий водой городские улицы, парки, скверы, сельхоз угодья. Предназначен для орошения насаждений, снижения температуры воздуха.

¹³ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 3–36.

¹⁴ Там же.

ни и смертью советской страны (легендарной и ужасной, как сказочный див или казахская старуха-кемпир с медными ногтями), и стало причиной гибели дедовского сада»¹.

Образ «дедовского сада» в тексте Д. Накипова аккумулирует такие этнокультурные ценности как преемственность поколений, родовое наследие и сакральные связи между предками и потомками. Однако разрушение этих связей передается автором в образе утраты корней: «Сейчас хозяин Беке выкорчевывал старые яблони»².

Таким образом, ключевыми мифологическими доминантами «алматинского текста» становятся пространственные образы — вертикаль гор и горизонталь степи, в точке пересечения которых находится мифический город-сад. Главным мифологическим образом, актуализированным названием города, становится яблоко, гиперболизированное, выступающее символом эпохи абсолютного благоденствия города-сада. Важнейшей мифологической доминантой становится мотив утраты земного рая-сада, в котором обмельчание плодов, вырубка и вырождение садов служит метафорой духовного и социального кризиса.

Персонажная система «алматинского текста»

Ключевые локации, в рамках которых происходит развитие образов главных героев алматинских текстов, можно интерпретировать в двух направлениях:

— локации, связанные с советским прошлым, или город ДО (арыки, полные чистой воды и яблоневые сады, подступающие с предгорий прямо к городу, дивный магазин «Союзпечать-Кругозор» у Л. Калаус, алматинский «Бродвей», парки и театры у Д. Накипова);

— современные реалии, город ПОСЛЕ (арыки, заваленные мусором, вырубленные сады, многоэтажные человейники, облупленная штукатурка, прошлогодний мусор, заваленный снегом у И. Одегова, М. Земскова; город-сад превращается в деловой центр, в мегаполис — шумный и грязный).

В городском тексте формируется и особый литературный тип героя — горожанина или даже медиагорожанина (М. Л. Паламарчук)³, обладающего рядом характерных черт: он деятельностный, предприимчивый, деловой, иногда беспринципный; оторванный от лона природы и от традиционных ценностей; обладает городским менталитетом; является активным потребителем и производителем медиаинформации, постов в соцсетях и других атрибутов массовой культуры⁴. Таковы герои М. Земскова, И. Одегова, Л. Калаус. Причем этническая принадлежность героя не является доминантным признаком, поскольку на первый план выходит его урбанистическая идентичность, сформированная мультикультурной средой мегаполиса.

Так, в рассказе И. Одегова «Снег в паутине» сюжет разворачивается вокруг многоквартирного дома в одном из районов Алматы. Система персонажей выстраивается автором по принципу локальности и периферийности местоположения персонажей. Все центральные персонажи, за исключением Назара, приехавшего в город ради покупки машины и Геннадия, живущего в пригороде, являются городскими жителями. И. Одегов называет горожан людьми-масками, людьми-оболочками, а сам город — местом, опутанным паутиной и отравленным ядом несуществующего паука, символизирующего массовую культуру потребления.

Типичными персонажами для городского текста являются:

— одинокая старушка пенсионерка (И. Одегов «Снег в паутине», Л. Калаус «Три мойры»), которая иллюстрирует несовершенство социальной системы;

— сынки местных чиновников (М. Земсков «Слабоумие», И. Одегов «Снег в паутине»);

— хипстеры — представители массовой культуры потребления (И. Одегов «Снег в паутине», Ю. Себрянский «Пражаки»);

— предприниматели и коррумпированные чиновники.

¹ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 3–36.

² Там же.

³ Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен: автореф. дисс. ... к. филос. наук. Архангельск, 2009.

⁴ Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии): автореф. дисс. ... д. филос. н. СПб., 2004.

Персонажная система «алматинского текста» — это сложная структура, в которой персонажи определяются типом взаимодействия с городским пространством. Так, персонажи М. Земскова — типичные представители медиагорожан. Они живут в ежедневной погоне за модными трендами, город для них — это не сакральные локусы и место памяти, связи с предками, это лишь набор декораций для самопрезентации (рестораны, офисы, арт-площадки и т. д.). Для творчества И. Одегова характерным типом становится герой-созерцатель. Он отрицает современную культуру и с сожалением ностальгирует об уходящем Золотом веке города-сада, подмечая те детали, что игнорирует медиагорожанин: запах земли, большие красные яблоки на вокзале, доживающую свой век последнюю яблоню со сломанной верхушкой.

Город и сам становится героем в пределах городского текста. В романе Д. Накипова город — это живое существо, «большой, непомерно быстро растущий ребенок»¹, со сложным и непредсказуемым характером, с бурными снами, которые «кончались криком на рассвете»². Для создания образа города Д. Накипов использует метафору города как человека, точнее ребенка. Создание образа города сопровождается включением интертекстуальных элементов, характеризующих город как персонаж. Например, исторический факт «Верненского землетрясения» 1887 г., который представлен не в формате констатации исторического факта, а как трагичная художественно-образная предыстория взросления юного города, оставившая неизгладимый отпечаток в его характере, мировоззрении и «тревога с той поры стала частью его взросления»³.

Автор интерпретирует эту трагедию не только как человеческую катастрофу, но и как личную трагедию города-живого существа. И эта трагедия вызывает у автора жалость к городу, он испытывает за него постоянное беспокойство и тревогу. Повествовательный фокус смещается на навязчивое чувство страха, тревоги и предчувствие беды, развившиеся у города.

Город в повести И. Одегова «Снег в паутине» олицетворяется, становится действующим лицом («снег всегда был к лицу Алма-Ате»⁴), наделяется антропоморфными и животными чертами: «крыши стали похожи на гигантские оскаленные пасти»⁵. Город становится живым организмом — сложным механизмом со своей инфраструктурой.

Заключение

Исследование устанавливает, что городской текст — это вторичная моделирующая система знаков (или паттернов), кодирующих фундаментальные культурные и философские смыслы. Разграничение понятий «городской текст» и «локальный текст» базируется на каноничности и исследовательском фокусе. Так, городской текст соотносится с крупными историческими городами, центрами империй, он концентрирует и аккумулирует философские, идеологические и культурно-исторические доминанты. Локальный текст требует обоснования своей уникальности и своеобразия, заключающихся в фокусировании на региональных особенностях, быте, этнографии, диалоге культур и т. д.

«Алматинский текст» ввиду описанных выше его особенностей порождает своеобразное художественное пространство, сложную семиотическую систему, в которой функционируют характерные литературные типы и выстраивается своеобразная персонажная система. В «алматинском тексте» сублимированы уникальные ландшафтные, культурно-исторические, мифологические особенности, отражен диалог культур.

Генезис «алматинского текста» связан с исторической трансформацией локуса из военного укрепления в город-сад и далее в современный мегаполис. Эта эволюция порождает две антитетичные художественные модели города ДО и города ПОСЛЕ. Город ДО ассоциируется с идеализированным прошлым, выраженным метафорически в мифологических образах благодатного города-сада; город ПОСЛЕ соотносится в художественных текстах современных авторов со скептическим

¹ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаҒа, 2009. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же.

⁴ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 1.

⁵ Там же. С. 23.

восприятием современных реалий массовой культуры и урбанизации, а в мифологическом контексте с образами утраченного рая.

Таким образом, для алматинского текста характерны следующие доминанты: историческая составляющая, биография города (голод 1930-х гг., землетрясение 1911 г., переименования города и др.); культурные традиции Алма-Аты и Алматы (столкновение в алматинских текстах элитарной культуры и культуры массового потребления со всеми ее атрибутами); узнаваемые локации и топонимика (Кок-Тобе, Бродвей, Микры, Теренкур, Зенкова и т. д.); мифологическая доминанта (яблоко, сад, горы, концентрический город или город на горе, как признак исключительности); авторские мироощущения, формирующие в целом образ города в художественном тексте (оптимистические и пессимистические); особый литературный тип городского текста (медиагорожанин, созерцатель, симулякр, медиатор); интерпретация города как персонажа, выполняющего определенную художественную функцию.

Таким образом, проведенное исследование с опорой на исследованный научный и художественный материал позволяет легитимизировать «алматинский текст» как самобытный и уникальный культурный феномен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адибаева, Ш. Т., Абуова, Б. П. (2025) Символика юрты в сборнике «Казахстанские сказки» Ю. Серебрянского: апробация методики социального чтения // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Филологические науки. Т. 93. №. 3. С. 49–56.
- Анисимов, Н. О. (2018) Город в дискурсе семиотики // *Juvenis Scientia*. № 12. С. 33–35. DOI: <https://doi.org/10.32415/jscientia.2018.12.09>
- Анциферов, Н. П. (1926–1927) Книга о городе. Ленинград : Брокгауз и Ефрон. Ч. 3. Жизнь города. 299 с.
- Анциферов, Н. П. (1991) Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М. : Книга. 102 с.
- Барт, Р. (1987) Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М. : Изд-во Моск. ун-та. 514 с. С. 387–422.
- Баянбаева, Ж. А. (2015) Алма-Ата в прозе Ю.О. Домбровского // Полилингвильность и транскультурные практики. №. 5. С. 354–359.
- Баянбаева, Ж. А. (2016) Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. №. 2. С. 77–84.
- Власова, Г. И. (2022a) Локальный «алматинский» текст в малой прозе Лили Калаус // Русская литература в иностранной аудитории: материалы XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 г. Вып. 11. / отв. ред. Т. Г. Аркадьева. СПб. : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 400 с. С. 106–115.
- Власова, Г. И. (2022b) Локальный «казахстанский текст» как научная категория современного литературоведения // Научный поиск в филологии: теория, методология, практика: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора А.Е. Агмановой / отв. ред. Е. А. Журавлева. НурСултан : ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 330 с. С. 69–74.
- Власова, Г. И., Кривошапова, Т. В. (2018) Городской текст южной столицы Казахстана в современной поэзии и прозе // Русистика: вчера, сегодня, завтра. Сборник докладов юбилейной международной научной конференции, София, 29 июня — 2 июля 2017 г. / отв. ред. В. Аврамова. София : Общество русистов Болгарии. 793 с. С. 517–530.
- Демидова, М. Л. (2020) Сергей Калмыков как паттерн алма-атинского текста // Наука в мегаполисе / *Science in a Megapolis*. № 6 (22). С. 1–3.
- Дройзен, И. Г. (2004) Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб. : Владимир Даль. 582 с.
- Ибраева, Ж. Б., Сапарова, А. Ж. (2019) Казахская литература в период независимости // Вестник Инновационного Евразийского университета. № 3. С. 24–28.
- Кристева, Ю. (2004) Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М. : Российская политическая энциклопедия. 656 с.

Кузнецова, А. В., Петрулевич, И. А. (2018) Концепт города: код культуры и нарратив // Вестник Адыгейского государственного университета. №. 4 (229). С. 212–219.

Лакофф, Д., Джонсон, М. (2004) Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. М. : УРСС. 256 с.

Леви-Строс, К. (2011) Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М. : АСТ. 536 с.

Лотман, Ю. М. (1992) Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра. Т. 2. 479 с. С. 208–221.

Лотман, Ю. М. (1999) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.

Негизбаева, М. О., Нуршаихова, А. А. (2022) Тема голодомора в Казахстане (1932–1933 гг.) в науке и СМИ // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Журналистика. № 3 (140). С. 92–102.

Новоселова, Е., Иост, О. (2020) К вопросу о функционировании павлодарского локуса в творчестве С. Музалевского и В. Семерьянова // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Филологические науки. Т. 4. №. 4 (74). С. 260–267.

Потапова, Е. В. (2023) «Армянский» VS «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития // Известия Смоленского государственного университета. №. 4 (64). С. 41–54.

Приходченко, И. О. (2022) Оппозиции в локальном тексте художественной прозы Павлодара (на материале павлодарской мемуарной литературы 1930-х годов) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 16. №. 2. С. 60–69.

Рублев, К. А. (2011) Художественное своеобразие повести Н. Черновой «Мороз-трава» // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 15–16 сентября 2011 года / отв. ред. В. И. Габдуллина. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет. 519 с. С. 176–185.

Семенова, А. В. (2024) Поэтика карагандинской повести Е. Зейферт «Плавильная лодочка» // Вестник Калужского университета. № 3. С. 87–93.

Смирнов, С. А. (2012) Антропология города // Человек.ru. №. 8. С. 136–151.

Темирболат, А. Б. (2023) Особенности развития казахской прозы в период Независимости // Keruen. 7 8(1). С. 24–38. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>

Топоров В. Н. (2003) Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство. 616 с.

Ходинская, М. В. (2022) Биография города: истоки жанра // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: Материалы V Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 80-летию со дня памяти А. А. Ухтомского, Ярославль, 23–24 сентября 2022 года / сост. Е. А. Федорова. Ярославль : ООО «Филигрань». 386 с. С. 321–326.

Шафранская, Э. Ф. (2010) Ташкентский текст в русской культуре. М. : Art House media. 301 с.

Шафранская, Э. Ф. (2017) Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX в // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1 (25). С. 22–29.

Шафранская, Э. Ф. (2022) Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. №. 6s. С. 135–143. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.135>

Шафранская, Э. Ф., Гарипова Г. Т., Токарева, Н. А. (2023) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Шафранская, Э. Ф., Лебедева, Е. В. (2015) Алма-Ата как локальный текст // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь. № 3. С. 272–282.

Шмакова, Е. С. (2022) Городские топосы как отражение авторского мироощущения // Keruen. Т. 74. №. 1. С. 218–227. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.1-17>

Шмакова, Е. С., Байжигит, Б. С., Бегалиева, С. Б. (2024) Художественное своеобразие идиостиля современных русскоязычных писателей Казахстана: А. Жаксылыкова, А. Кима, Д. Накипова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 15. №. 4. С. 1419–1442. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1419-1442>

Шульженко, В. И. (2017) «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 11. №. 1. С. 104–108.

Дата поступления: 23.10.2025 г.

Дата принятия: 06.03.2026 г.

REFERENCES

Adibaeva, Sh. T. and Abuova, B. P. (2025) Symbolism of the yurt in the collection "Kazakh tales" by Yu. Serebryansky: testing a method of social reading. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Filologicheskie nauki*, vol. 93, no. 3, pp. 49–56. (In Russ.)

Anisimov, N. O. (2018) The city in the discourse of semiotics. *Juvenis Scientia*, no. 12, pp. 33–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32415/jscentia.2018.12.09>

Antsiferov, N. P. (1926–1927) *The book about the city*. Part 3. Life of the city. Leningrad, Brockhaus and Efron. 299 p. (In Russ.)

Antsiferov, N. P. (1991) *The soul of Petersburg. Petersburg of Dostoevsky. The reality and myth of Petersburg*. Moscow, Kniga. 102 p. (In Russ.)

Barthes, R. (1987) Introduction to the structural analysis of narrative texts. In: *Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX–XX centuries. Treatises, articles, essays*, comp. and ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 514 p. Pp. 387–422. (In Russ.)

Bayanbayeva, Zh. A. (2015) Alma-Ata in the prose of Yu. O. Dombrovsky. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*, no. 5, pp. 354–359. (In Russ.)

Bayanbayeva, Zh. A. (2016) The local text and its functions (on the example of the Alma-Ata local text). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*, no. 2, pp. 77–84. (In Russ.)

Vlasova, G. I. (2022a) The local "Almaty" text in the short prose of Lili Kalas. In: *Russian literature in a foreign audience: proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg, November 18, 2022, issue 11, ed. by T. G. Arkad'eva. Saint Petersburg, Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. A. I. Gertsena. 400 p. Pp. 106–115. (In Russ.)

Vlasova, G. I. (2022b) The local "Kazakhstan text" as a scholarly category of contemporary literary studies. In: *Scientific research in the field of philology: theory, methodology, practice: a collection of materials from the international scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of Professor A. E. Agmanova*, ed. by E. A. Zhuravleva. Nur-Sultan, ENU im. L. N. Gumileva. 330 p. Pp. 69–74. (In Russ.)

Vlasova, G. I. and Krivoshchapova, T. V. (2018) The urban text of the southern capital of Kazakhstan in contemporary poetry and prose. In: *Russian studies: yesterday, today, tomorrow*. Collection of reports of the jubilee International Scientific Conference, Sofia, June 29 – July 2, 2017, ed. by V. Avramova. Sofia, Obshchestvo rusistov Bolgarii. 793 p. Pp. 517–530. (In Russ.)

Demidova, M. L. (2020) Sergey Kalmykov as a pattern of the Almaty text. *Science in a Megapolis*, no. 6 (22), pp. 1–3. (In Russ.)

Droysen, J. G. (2004) *Historik. Lectures on the encyclopaedia and methodology of history*. Saint Petersburg, Vladimir Dal'. 582 p. (In Russ.)

Ibrayeva, Zh. B. and Saparova, A. Zh. (2019) Kazakh literature in the period of independence. *Vestnik Innovatsionnogo Evraziyskogo universiteta*, no. 3, pp. 24–28. (In Russ.)

Kristeva, J. (2004) *Selected works: The destruction of poetics*. Transl. from French. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 656 p. (In Russ.)

Kuznetsova, A. V. and Petrulich, I. A. (2018) The concept of the city: cultural code and narrative. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (229), pp. 212–219. (In Russ.)

Lakoff, G. and Johnson, M. (2004) *Metaphors we live by*. Transl. from English by A. N. Baranov and A. V. Morozova. Moscow, URSS. 256 p. (In Russ.)

Levi-Strauss, C. (2011) *Structural anthropology*. Transl. from French by V. V. Ivanov. Moscow, AST. 536 p. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (1992) Symbolism of Petersburg and problems of the semiotics of the city. In: Lotman Yu. M. *Selected articles*, in 3 vols. Tallinn, Aleksandra. Vol. 2. 479 p. Pp. 208–221. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (1999) *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 464 p. (In Russ.)

Negizbayeva, M. O. and Nurshaikhova, A. A. (2022) The topic of the Holodomor in Kazakhstan (1932–1933) in scholarship and the media. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Seriya Zhurnalistika*, no. 3 (140), pp. 92–102. (In Russ.)

Novoselova, E., Iost, O. (2020) On the functioning of the Pavlodar locus in the works of S. Muzalevskiy and V. Semyanov. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Filologicheskie nauki*, vol. 4, no. 4 (74), pp. 260–267. (In Russ.)

Potapova, E. V. (2023) “Armenian” vs “Georgian” local texts: on the genesis and development paths. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (64), pp. 41–54. (In Russ.)

Prikhodchenko, I. O. (2022) Oppositions in the local text of Pavlodar prose (based on Pavlodar memoir literature of the 1930s). *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, vol. 16, no. 2, pp. 60–69. (In Russ.)

Rublev, K. A. (2011) The artistic specificity of N. Chernova's novella “Moroz-trava”. In: *Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Barnaul, September 15–16, 2011, ed. by V. I. Gabdullina. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 519 p. Pp. 176–185. (In Russ.)

Semenova, A. V. (2024) The poetics of the Karaganda novella by E. Zeifert “Plavil'naya lodochka”. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, no. 3, pp. 87–93. (In Russ.)

Smirnov, S. A. (2012) Anthropology of the city. *Chelovek.ru*, no. 8, pp. 136–151. (In Russ.)

Temirbolat, A. B. (2023) Specifics of the development of Kazakh prose in the period of independence. *Keruen*, vol. 78 (1), pp. 24–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>

Toporov, V. N. (2003) *The Petersburg text of Russian literature: selected works*. Saint Petersburg: Iskusstvo. 616 p. (In Russ.)

Khodinskaya, M. V. (2022) Biography of the city: origins of the genre. In: *Philological readings. Human. Text. Discourse: proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of the memory of A. A. Ukhtomsky*, Yaroslavl, September 23–24, 2022, comp. by E. A. Fedorova. Yaroslavl, OOO “Filigran”. 386 p. Pp. 321–326. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. (2010) *The Tashkent text in Russian culture*. Moscow, Art House media. 301 p. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. (2017) Liars and fantasists as a pattern of local texts of the twentieth century. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, no. 1 (25), pp. 22–29. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. (2022) The Armenian text: poetry and prose. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, no. 6s, pp. 135–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.135>

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Tokareva, N. A. (2023) The novel of Roman Senchin: the poetics of the Tuvan text. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Shafranskaya, E. F. and Lebedeva, E. V. (2015) Alma-Ata as a local text. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 3, pp. 272–282. (In Russ.)

Shmakova, E. S. (2022) Urban topoi as a reflection of the author's worldview. *Keruen*, vol. 74, no. 1, pp. 218–227. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.1-17>

Shmakova, E. S., Bayzhigit, B. S. and Begaliyeva, S. B. (2024) The artistic specificity of the idiostyle of contemporary Russian-language writers of Kazakhstan: A. Zhaksylikov, A. Kim, D. Nakipov. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 15, no. 4, pp. 1419–1442. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1419-1442>

Shul'zhenko, V. I. (2017) The “Caucasian text” of Russian literature: boundaries of description and paradoxes of perception. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, vol. 11, no. 1, pp. 104–108. (In Russ.)

Submission date: 23.10.2025.

Acceptance date: 06.03.2026.